

Более пятнадцать лет не печатались книги выдающегося русского советского поэта Николая Ивановича ТРЯПКИНА (1918–1999).

В прошлом году в руки исследователей попала авторская машинопись книги «Огненные ясли (Русская эпопея)», подготовленная к изданию в середине 1990-х, а также часть личного архива Тряпкина.

К 100-летию «последнего поэта русского лада», как назвал Тряпкина Юрий Кузнецов, в Центральном Доме литераторов прошел вечер, посвященный его памяти, а издательский дом «Литературная Россия» выпустил солидный том стихов и поэм «ЗВЁЗДНОЕ ВРЕМЯ» (сост. и предисловие Григория Шувалова).

Многие произведения из этого сборника ранее не публиковались.

А жизнь прошла. Закончены ристанья.
Исправим печь. И встретим холода.
И только смутный гул воспоминанья
Проходит вдруг по жилам иногда.

Он пронесётся там, как в шахтах воды,
Промчится гул — и снова забытьё.
И перед древним сумраком природы
Горит свеча — окошечко моё.

1966

Я иду за красные туманы
Через те закатные мосты.

За далёким полем, у бурьяна,
Жди меня до поздней темноты.

Говорят, что там, за гранью алой,
Где садится солнце на шесток,
Зацветает силой небывалой
Огнекрылый сказочный цветок;

Что едва, мол, тронь его рукою —
И земля в таинственном саду,
И восходят звёзды над тобою
На великом песенном ходу...

Дай же мне весёлые заклатья
От глухой и скучной слепоты,
И пускай той верой на закате
Загорятся дальние кусты.

Жди меня, раздольная, у края,
За полями гаснущего дня...
Загорюсь тем светом, не сгорая,
И цветок достану из огня.

И пускай идёт себе прохожий,
Ничего не думая про нас,
Превратись ты в камень

придорожный,

Чтобы скрыться от ненужных глаз.

Ну а если вещие зарницы
Всё же крикнут о конце моём, —

Ты сама на этой вот странице
Распустись негаданным цветком.

И пускай он — вечный и желанный,
Зазвенит гармошкой у крыльца,
И зажгутся тайной несказанной
И земля, и воздух, и леса.

И никто вовек не перестанет
Забываться в песне, как во сне.
А цветок в глаза ему заглянет
И расскажет сказку обо мне.

1962

ВЕРБНАЯ ПЕСНЯ

За великий Советский Союз!
За святейшее братство людское!
О Господь! Всеблагод Иисус!
Воскреси наше счастье земное.

О Господь! Наклонись надо мной.
Задичали мы в прорве кромешной.
Окропи Ты нас вербной водой,
Осени голосистой скворешней.

Не держи Ты всевышнего зла
За срамные мои вавилоны, —
Что срывал я Твои купала,
Что кромсал я святые иконы!

Огради! Упаси! Защити!
Подними из кровавых узилищ!
Что за гной в моей старой кости,
Что за смрад от бесовских блудилищ!

О Господь! Всеблагод Иисус!
Воскреси моё счастье земное.
Подними Ты мой красный Союз
До Креста Своего аналоя.

1994

НЕТ, Я НЕ ВЫШЕЛ ИЗ НАРОДА!

Нет, я не вышел из народа.
О, чернокостная порода!
Из твоего крутого рода
Я никуда не выходил.
И к белой кости, к серой гости
Я только с музой ездю в гости.
И на всеобщем лишь погосте
Меня разбудит Гавриил.

И кровь моя — не голубая!
Что, голубая? Да худая!
Она — венозная, вторая.
То — не земля и не вода,
А только ил и только сода.
А соль вошла в кулак народа.
О, чернокостная порода!
О, черношошная орда!

Пускай я смерд. Но не смердящий.
Пускай я пёс. Но не скулящий.
И пот — мой запах настоящий,
Мозоли — перстни на руках!
А если вы, мои онучи,
Порою чёрны и вонючи, —
Прополощу вас в Божьей туче
И просушу на облаках!
И даже в рубищах Парижа
Да не замучает нас грыжа!
И в этих песенках — не жижа,
А родниковая вода.

Нет, я не вышел из народа.
О, чернокостная порода!
Из твоего крутого рода
Не выходил я никуда.

1982